

НИЗКО КЛАНЯЮСЬ КАЖДОМУ ДЕРЕВЦУ...

Впервые об этом удивительном человеке я услышала от Бориса Ивановича Буйвида почти семь лет назад. Узнав о том, что я собираю документы и воспоминания о легендарном директоре ММК Григории Ивановиче Носове, Б. И. Буйвид, сам — живая энциклопедия трудовых ресурсов Магнитки, позвонил и сказал:

— Вам непременно нужно встретиться с Иванченко. Он часто общался с Григорием Ивановичем. Носов очень ценил его, он нашел в Борисе Филипповиче не только хорошего специалиста, но еще и энтузиаста экологии, способного воплотить самые дерзкие его мечты о создании города-сада. Да и о других директорах комбината Иванченко расскажет: он многих знал, со многими работал.

И Буйвид продиктовал номер телефона. Мы созвонились с Б. Ф. Иванченко, договорились встретиться, как только у меня появится свободная минутка, и на том дело встало. Текущая редакционная работа, бурные события жизни... Сейчас можно многое приводить в оправдание. А осенью прошлого года совершенно случайно я наткнулась взглядом на старый памятник Серго Орджоникидзе, словно задвинутый в кусты на территории бывшего левобережного парка культуры и отдыха. Написала материал в свою газету. Статья «Забывший памятник» нашла отклик в сердцах многих старожилов Магнитки. Читатели звонили и благодарили за публикацию, вносили различные предложения.

Позвонил и Иванченко. Оказалось, он имеет к памятнику самое непосредственное, прямое отношение: в далеких тридцатых именно он, Борис Филиппович Иванченко, заказал эту статую московским скульпторам, сам привез ее в Магнитку и сам контролировал ее монтаж. Дело в том, что перед войной он работал прорабом на строительстве левобережного парка...

В конце октября 2001 года ему исполнится 89 лет. А жена Иванченко, Нина Никитична, в январе нового года отпраздновала 90-летний юбилей. В небольшой двухкомнатной квартире на улице Горького, обставленной мебелью еще совет-

ского образца, собралась вся их большая семья. Семнадцать человек: дети, внуки, правнуки. Все взрослые, самостоятельные, прочно стоящие на ногах. Потомством своим Иванченки довольны: все заботятся о них, ни в чем старики нужды не знают, хоть кроме пенсии других доходов не имеют.

— Все бы хорошо, только вот смысл жизни пропал, — с легкой печалью говорит Борис Филиппович. — Никакой пользы от нас, уже и на улицу без сопровождения молодежи не рискуем выходить. Да и дети не позволяют...

Чтобы время не пропадало зря, Иванченко в последние годы усердно и кропотливо записывает и зарисовывает историю своего рода. В красном углу большой комнаты красуются его рисунки в самодельных, аккуратных рамках: родная украинская деревня Браварки, речка Псел, родительский дом с вишневым садом, мать с ребенком на плечах, относящая обед мужу и старшим детям на покос, генеалогическое древо семейства.

— Я, конечно, не художник, — несколько смущенно говорит он. — Но очень хочется, чтобы внуки и правнуки знали, откуда они родом, кто их предки, как они жили. Вот и стараюсь все воссоздать на бумаге. Уж как умею.

Скромничает Борис Филиппович: у него, выпускника Харьковского паркостроительного техникума 1934 года, прекрасные навыки чертежника, и рисунки получились очень выразительными. Но кроме рисунков хранится в доме Иванченко множество альбомов с редкими, просто уникальными фотографиями. Практически с самого начала своей магнитогорской жизни Борис Филиппович фотографировал сам и заказывал профессиональным фотографам фотоснимки самых разных уголков нашего города. Но больше всего — его зеленых насаждений. И левобережный парк культуры и отдыха представлен подробно и во всей красе. Фотоальбомы Иванченко достойны экспозиции краеведческого музея города.

В Магнитку Борис Филиппович приехал в январе 1935-го вместе с однокурсником и другом Виктором Михайловичем Савченко. «Заказ» на специалистов паркостроения прислал в техникум бывший в то время

Несмотря на январские морозы в городе велась благоустроительные и озеленительные работы. Земля на Урале промерзает зимой на 170 сантиметров вглубь, без кайла невозможно выдолбить и крошечной ямки. А нужно было не только посадочные ямы копать, но готовить еще и площадки для фонтанов.

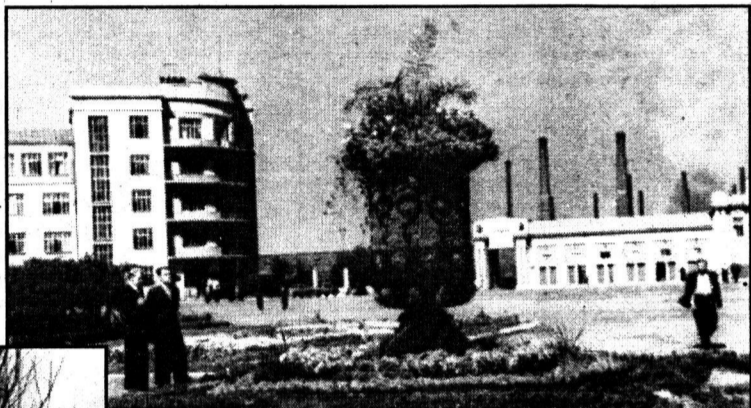
Под начало молодых специалистов отдали две бригады «итаковцев», каждая по пятьдесят человек. Правда, близко к ним подходить не советовали. Чтобы контакт с работниками был проще, в помощь дали Дмитрия Ивановича Сыровегина — опытного земледельца из числа спецпереселенцев.

— Там, где сегодня стоит ДКиТ, — рассказывает Борис Филиппович, — была гора, ба- зарной ее называли. Она сплошь из разборного камня — Бог такой создал. И мы с Савченко вместе с «итаковцами там работали: кайлами, топорами добывали камень, возили на тачках — ямы посадочные укрепляли. На улице Пионерской, по всему Соцгороду ямки копа-

будто раздваиваться начал. Даже работать устроился. Но как-то пришел с работы, а дома телеграмма от Тимошина: «Борис, срочно приезжай, ты мне нужен». Федор Иович, видно, чувствовал, что его арестуют. Так и погиб он на Колыме...

Зеленстрой передали металлургическому комбинату, он стал называться садово-парковым хозяйством УКХ. Начальник УКХ Теплицкий вызвал Иванченко и велел принимать цех. Так Борис Филиппович стал директором садово-паркового хозяйства.

Заложили парк культуры и отдыха в конце 33-го, а уже в 35-м там была устроена деревянная площадка для танцев, окруженная железными пальмами: в кадку с песком врыт об-

ли вдоль тротуаров... Но до весны я не дотянул, Тимошин меня в командировку отправил. В Омск, за посадочным материалом.

А весна в 35-м была бурной, снег таял быстро. 22-летнему Иванченко надо было спешить, чтобы успеть доставить в Магнитку саженцы. Пришлось здорово крутиться: доставать вагоны, отби-

рать и готовить к перевозке тысячи молодых деревьев, аккуратно грузить их в вагоны.

— Солнце «работало» хорошо, вот-вот речки раскиснутся, из берегов выйдут. Хорошо, студенты мне помогли: сначала в вагон слой соломы насыплем, поверх нее — крона к кроне — саженцы положим, потом снова: слой соломы, слой — саженцы. А потом сверху все водой залили: «окрестили», чтобы семенной материал в сохранности до Магнитки доехал. Я тогда 17 вагонов с саженцами привез: березы, сосны, яблони. А еще — два пучка молодых липок. Еле выпросил, можно сказать, украл. Но не стыжусь этого. Вы видели на Комсомольской улице липовую аллею? Это они, мои липки. Бывало, иду по улице и каждому деревцу кланяюсь, разговариваю с ними, здороваюсь — живые они для меня, родные...

35-й год памятен для Бориса Филипповича Иванченко яркими событиями жизни. И камень он из горы добывал, и ямы посадочные рыл, и площадки под фонтаны готовил, и в командировку ездил, и деревья сажал. Потом вторую плотину строил, защитную лесополосу сажал вдоль всего Урала, разбивал и устраивал парк, что зеленеет теперь вокруг профилактория «Южный». Что ни говори, а это 18 гектаров!

— И знаете, отходов у нас почти не было: все саженцы приживались, хотя воду для их полива возили мы на лошадях, — с гордостью говорит Борис Филиппович.

Осенью 35-го его призвали в армию: до поздней осени 37-го «бил сапогами» землю в Троицке и Чебаркуле.

— После службы поехал на Донбасс — там батя, сестры, могила мамы. Все на меня накинулись: оставайся дома, чего ты в Сибирь поедешь, что тебя там манит? Я задумался,

мотанный войлоком шест, а сверху на нем прикреплены покрашенные в зеленый цвет листья. Ох, и громыхали они, стоило ветерку задуть! Но всем нравилось: настоящие-то деревца только еще начали приживаться, тоненькие, с прозрачной листвой саженцы были пока очень малы и слабы, а так хотелось погулять, отдохнуть, потанцевать в настоящем парке с большими, ветвистыми деревьями!..

С осени 38-го и до марта 42-го, до самой отправки на фронт Борис Филиппович Иванченко работал в садово-парковом хозяйстве комбината. Он был одновременно архитектором его аллей, цветников и уютных опушек, умелым садовником, любовно лелеявшим каждое деревце, каждый кустик. Он ездил в Москву, заказывал скульптурные группы и отдельные статуи, контролировал их доставку, планировал размещение памятников по аллеям парка, присматривал за монтажом фигур. А еще заботился о питомнике саженцев — ведь для того, чтобы в голой степи зацвели сады, требовалось много сил, терпения и любви.

И каждый раз фотографировал свое детище: вид сверху, панораму, цветочные узоры на газонах и клумбах, на рукотворных живых панно. Даже своеобразный цветочный календарь был в парке: каждый день работницы-цветоводы меняли на нем рисунок из живых цветов. Слово перелистывали обычный календарь: второе, третье, пятое мая или июля. Из цветов составляли даже портреты вождей, подбирая нужный колор для бровей, глаз, волос...

Говорю Борису Филипповичу:

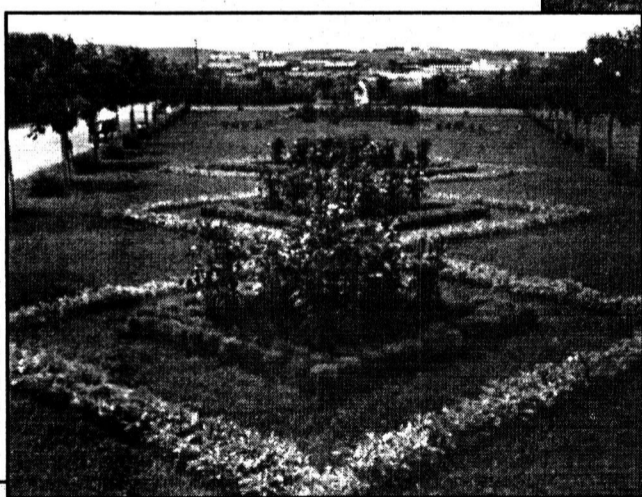
— И вы не боялись, что такой портрет может стоить вам свободы и жизни? Ведь, упаси Боже, что-то будет не так. Времена-то страшные были.

— Да, не раз меня вызывали в «серый» дом. Как-то ночью на портрете Сталина дождем усмыло, и кто-то тут же донес. Думал я: все, посадят. Но успели мы реставрировать портрет, потому и обошлось. В «сером» доме на меня не кричали, но пистолет на столе лежал...

На этом я пока остановлюсь. И места на газетной странице маловато, и не перескажешь за один раз девять десятков лет жизни интереснейшего человека. Ведь чего стоит тот факт, что Борис Филиппович работал и общался с директорами комбината, начиная с А. П. Завенягина и до Д. П. Галкина. Об этом — разговор особый. Стоят отдельного рассказа и 62 года семейной жизни супругов Иванченко: без единой ссоры, в любви и согласии. А генеалогическое древо?! А фронтовые годы?! Так что, уважаемый читатель, вы еще встретитесь с этим удивительным человеком на страницах нашей газеты.

В. МИНУЛЛИНА.

Снимки из семейного архива семьи Иванченко.

директором Госзеленстрой Федор Иович Тимошин.

— Тогда в Магнитке кроме добровольцев работало около 50 тысяч спецпереселенцев и, наверное, тысяч 35 заключенных — «итаковцами» их называли, — вспоминает Б. Ф. Иванченко. — Дня три-четыре мы прожили у попутчика, с которым познакомился в Москве, осматривались. Да осматриваться-то не слишком сподручно было: Магнитогорск тогда был городом режимным. Да и городом его можно было назвать весьма условно. Шитовые, тюрьма, Зеленстрой, комбинатские цехи, а вокруг — голая степь да холмы. А потом пришел комендант и повел нас в контору Зеленстрой. Дали нам с Виктором карточки, прикрепили к столовой, снабдили спецодеждой — фуфайками, штанами ватными, лаптями. Мы в этой одежде ничем от «итаковцев» не отличались.